

Глава 1

Не только судьба

Джон Паркер

Население мира, несомненно, увеличится, но готов ли мир к последствиям этого?

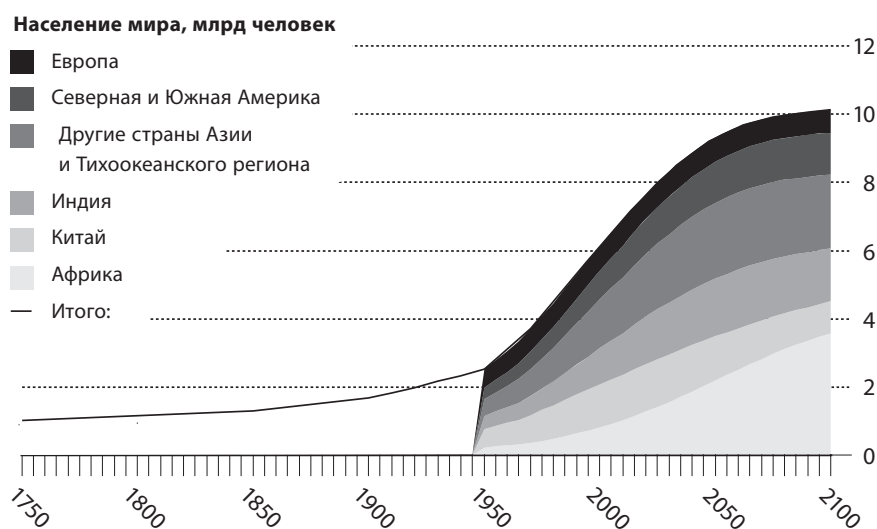
31 октября 2011 г. мир отмечал рождение семимиллиардного жителя Земли. ООН объявила, что население планеты достигло этой цифры, и счастливые родители (заодно с правительствами, жаждавшими шумихи) поспешили заявить, что титул почетного новорожденного принадлежит Наргис Кумар, появившейся на свет в 7:25 по местному времени в деревне Малл в крупнейшем штате Индии Уттар-Прадеш, или Данике Мэй Камачо, родившейся ровно в полночь в Маниле.

А за две недели до этого события свой двенадцатый день рождения отметил Аднан Невич, родившийся в боснийской столице Сараево 12 октября 1999 г. Тогда его объявили шестимиллиардным жителем нашей планеты. Двенадцатилетний «межмиллиардный» интервал между появлением на свет Андана и малышей Наргис и Дианы был самым коротким в истории человечества.

Численность населения Земли растет быстрее, чем когда-либо ранее. Потребовалось 250 тыс. лет, прежде чем она достигла 1 млрд; более 100 лет, чтобы увеличилась до 2 млрд (в 1927 г.); прошло еще 33 года, и нас на планете стало 3 млрд. К 2050 г. численность населения составит предположительно более 9 млрд жителей и продолжит свой рост далее (см. рис. 1.1). В некоторых странах этот рост уже сегодня

достиг поразительных показателей. В 1970 г. в Нигерии проживало 57 млн человек. К 2050 г., если темпы рождаемости в этой стране не претерпят существенных изменений, эта цифра увеличится до 389 млн человек — почти столько же, сколько и в США. Население другой африканской страны — Танзании растет еще более быстрыми темпами: в 1970 г. там проживало 14 млн человек, а к 2050 г. предполагается уже 139 млн. К 2100 г. Нигерия и Танзания могут оказаться соответственно третьей и пятой странами мира по численности населения.

Рис. 1.1. Человеческие ресурсы

В противоположность этим странам, в других государствах, считающихся в настоящее время самыми многонаселенными, к тому времени рождаемость достигнет своего пика, численность их жителей пойдет на убыль. Численность населения России начала убывать с 1995 г. В Японии (население 126 млн человек) пик наблюдался в 2010 г. Население Китая достигнет пика в 1,4 млрд в 2025 г., и затем этот показатель начнет снижаться. Даже население Индии — а оно будет самым многочисленным в 2050 г. — гораздо ближе к своему

пику, чем полагают многие исследователи: показатель в 1,7 млрд человек возможен примерно в 2060 г., затем также начнет снижаться.

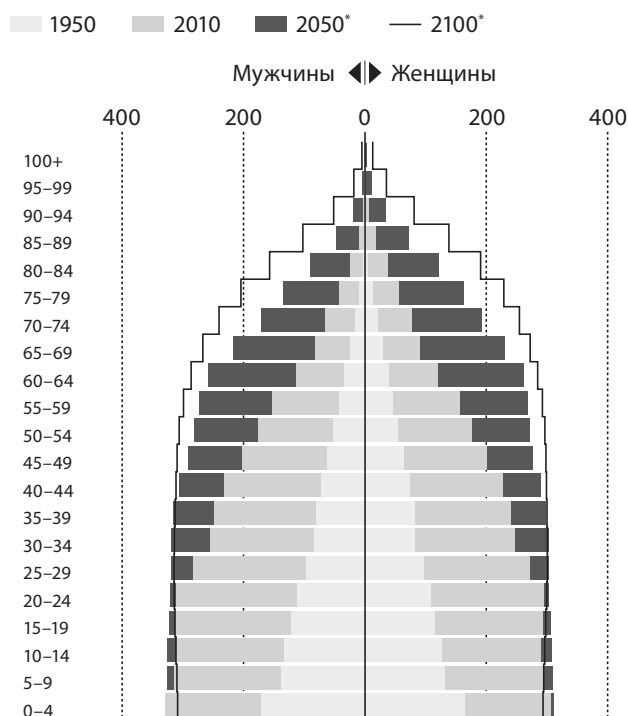
Различие в темпах роста населения приведет к смещению пропорций проживания в разных частях света. Азия по-прежнему останется самым густонаселенным континентом с численностью населения немногим более половины жителей Земли. Однако в сравнении с 2000 г., когда на этом континенте жило две трети человечества, это существенное падение. В 2000 г. в Черной Африке к югу от Сахары и в Европе проживало примерно одинаковое количество человек. К 2050 г. африканское население может увеличиться почти в три раза по сравнению с европейским. Примерно половина всех родившихся на Земле в период с 2010 по 2050 г., а точнее 2,3 млрд человек, будут уроженцами Черного континента.

Население мира в 2050 г. станет гораздо более возрастным (см. рис. 1.2). Численность категории «люди старше 65 лет» увеличится более чем вдвое — менее чем с 8% от общего числа жителей планеты в 2010 г. до более чем 16% в 2050 г. Так называемый медианный возраст (средний возраст, при котором половина населения старше его, а половина моложе) в период с 2010 по 2050 г. увеличится на девять лет и составит 38 лет — беспрецедентный показатель, как и скорость его достижения. В развитых странах многие смогут дожить до 100 лет.

Постаревшее, увеличившееся население планеты станет более урбанизированным (см. рис. 1.3). В 2010 г. половина людей на Земле проживала в городах. К 2050 г. доля городского населения приблизится к 70% — это около 6,5 млрд человек, то есть столько, сколько составляло население всего земного шара в 2005 г. Уже к 2025 г., вероятно, появится 30 мегаполисов с численностью населения в 10 и более млн человек в каждом (в 1950 г. таких было всего два — мегаполис Нью-Йорк — Ньюарк и Токио, см. рис. 1.4). При этом самый быстрый прирост возможен в городах с населением в 10 млн человек и менее. Консалтинговое агентство McKinsey называет в своих отчетах более 400 активно растущих городов в развивающихся странах.

Рис. 1.2. Еще старше

Население мира, разбитое на группы с пятилетним интервалом, млн человек

* Прогноз.

Источник: ООН

Эти тенденции окажут сильное влияние на семейный уклад людей (в основном позитивное) и на их материальное положение (не всегда позитивное). В 1950 г. мир представлял собой две различные группы стран с точки зрения продолжительности жизни и размера семьи. Продолжительность жизни в бедных странах наблюдалась более короткой (в среднем всего 37 лет), преобладали большие семьи, зачастую с шестью и более детьми. К 2050 г. разделение на богатые и бедные страны по-прежнему сохранится, но больших различий в продолжительности жизни и размере семей

больше не предвидится. Мир придет к некой универсальной норме: двое детей в семье и продолжительность жизни более 70 лет. Это повлияет на действия правительств, инновации в бизнесе, финансовые рынки вплоть до изменения баланса сил между двумя самыми многочисленными нациями на планете.

Прогнозы: не переборщим ли мы?

Демографический прогноз, представленный в этой главе, составлен Отделом народонаселения ООН на основе усредненных данных, опубликованных в 2011 г. Он предполагает продолжение демографических тенденций последних десятилетий. Если они существенно не изменятся, прогнозы на 2050 г. имеют реальные шансы стать реальностью. Между тем даже незначительные отклонения могут иметь большое значение, если будут накапливаться на протяжении нескольких десятилетий. В предлагаемом ООН «оптимистическом» сценарии, предполагающем более высокий уровень рождаемости, численность населения Земли окажется примерно на 12% выше приводимых цифр. «Пессимистический» же сценарий прогнозирует 8%-ное снижение от предполагаемого. Прогнозы на период после 2050 г. должны оцениваться с еще большим скептицизмом.

Конт и Мальтус

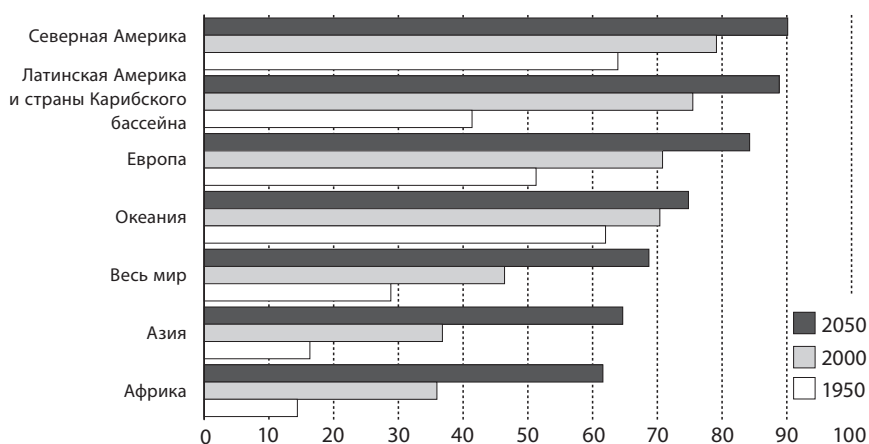
«Демография — это судьба», — сказал французский философ Огюст Конт. Существует большая разница между пониманием демографии в значении изменения общей численности населения и демографии в смысле изменения его составных частей — к примеру, относительного возраста и размера тех или иных групп населения.

Для многих важнейшим является вопрос об общей численности населения Земли. Сможет ли мир в 2050 г. прокормить 9 млрд ртов? Не превысит ли такое огромное количество людей «пропускную способность» хрупкой Земли, не приведет ли это к необратимым последствиям для окружающей среды, изменению климата, не окажется ли губительным для планеты? Не станут ли миллиарды землян чаще воевать, все глубже и глубже погружаясь в горькую пучину жестокости? Истоки этих опасений лежат в идеях Т. Мальтуса о том,

что на планете слишком много людей, и чем больше их будет в 2050 г., тем хуже станет наш мир.

Рис. 1.3. Движение в сторону урбанизации

Городское население, % к общему

Источник: ООН

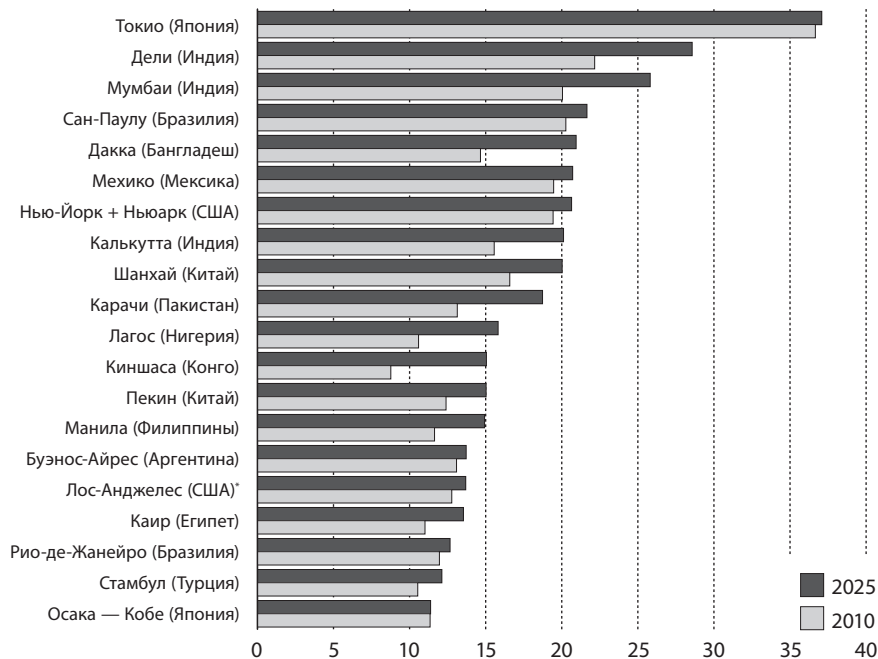
Хотя это и может показаться нелогичным, но данные проблемы не являются сугубо демографическими. В некотором смысле мальтузианские опасения — это не попытка решения проблемы, а способ ухода от нее. Рассмотрим, в частности, связь между численностью населения и ростом агрессивности на политическом уровне. Кажется вполне правдоподобным, что чем больше людей, тем вероятнее их вступление в конфликты друг с другом. Это особенно верно в случае, если возрастает количество молодых людей или когда различные группы людей соревнуются за фиксированные или ограниченные ресурсы, такие, например, как вода.

В некоторых районах земного шара, отличающихся исключительно быстрым приростом народонаселения, локальные конфликты действительно кажутся вполне вероятными. Одним из таких районов является Западная Африка, где развернется борьба за тропическую саванну Сахель и воды реки Нигер. Другой пример — Пакистан

и долина реки Инд. Население Пакистана, по всей видимости, возрастет со 175 млн в 2010 г. до 275 млн в 2050-м, а грунтовые воды в граничащей с Индией северо-восточной провинции Пенджаб — основном сельскохозяйственном районе страны — быстро истощаются. Это может спровоцировать либо прямой конфликт за контроль над скудными земельными и водными ресурсами, либо косвенный в результате миграции и переселения беженцев. По данным Международной организации по миграции, в 2008 г. за пределами места своего рождения проживало более 200 млн человек — 3% от общей численности населения Земли. За десятилетие их число удвоилось, и оно продолжит расти, поскольку люди в поисках лучшей жизни постараются уехать из бедных перенаселенных стран.

Рис. 1.4. Лига мегагородов

Население, млн человек

* Лос-Анджелес + Лонг-Бич + Санта-Ана.

Источник: ООН

Однако есть большая разница между тревожащими нас локальными конфликтами и тем, что происходит в общепланетарном масштабе. Всего за полвека, к 2010 г., население мира увеличилась с 3 до 7 млрд человек (и почти так же резко увеличилось число суверенных государств). В то же время количество развязанных войн между государствами за этот период сократилось. Первоначально возросло, а затем снова уменьшилось и количество гражданских войн; число смертей в ходе военных действий на каждые 100 тыс. человек в год уменьшилось с 20 в конце 1940-х гг. до 0,7 в конце 2000-х. Это меньше, чем количество криминальных убийств в наиболее благополучных странах.

В общем, мировая карта военных действий не зависит от прироста населения. Более того, хотя в первом десятилетии XXI в. количество мигрантов и возросло, число беженцев и внутренне перемещенных лиц остается стабильным — около 10 млн человек. Процент мигрантов — людей, наиболее уязвимых перед лицом насилия, — за период 2000–2010 гг. сократился наполовину. По всей видимости, снижение уровня насилия в мире возникло за счет снижения числа постколониальных войн, окончания конфликтов эпохи холодной войны и, возможно, роста авторитета международных миротворческих сил. Если эти тенденции сохранятся, то нет никакой причины связывать рост численности населения в 2050 г. с ростом агрессивности на планете.

Нечто подобное можно сказать и о гипотетическом вреде для окружающей среды. Почти все ученые признают, что в настоящее время имеют место подвижки планетарного масштаба: на Земле происходит общее изменение климата, уровня кислотности воды в океанах и круговорота азота в природе. В подавляющем большинстве случаев это следствие деятельности человека. Но из этого не следует автоматически, что чем больше людей живет на планете, тем больший ущерб будет нанесен ее экологии. Все зависит от того, где и как живут эти люди.

В 2005 г. Америка и Австралия произвели на душу своего населения почти по 20 т углекислого газа. В отличие от них более 60 других

стран, в том числе подавляющее большинство африканских государств, — менее 1 т. На наиболее богатые 7% населения Земли приходится 50% выбросов углекислого газа; беднейшие же 50% производят 7% CO₂. Если эта картина останется неизменной, удвоение населения бедных стран окажет относительно небольшое влияние на изменение климата по сравнению с вероятностью 30%-го роста населения в США. Другими словами, один родившийся американец повлияет на окружающую среду в 20 раз сильнее, чем один африканец.

Большая же часть прироста населения в мире в ближайшие 40 лет придется на страны, имеющие наименьшие объемы выбросов парниковых газов. В этих странах не увеличится автоматически ни объем этих выбросов, ни объем химического загрязнения окружающей среды. Это зависит от того, как государства выстроят свою жизнь. Последствия такого роста предполагаются меньшими, чем в развитых странах (хотя, конечно, все же будут, учитывая желание бедных стран стать богаче, а их жителей — потреблять больше). В любом случае то, насколько развивающиеся страны окажут влияние на процесс глобального потепления, больше зависит от избираемой ими модели экономического роста, нежели от демографической ситуации.

Рост численности населения наиболее сильно влияет на третью проблемную составляющую: пищевые ресурсы. Жители даже стран с минимальными выбросами CO₂ хотят есть. При всех прочих равных 9 млрд человек прокормить труднее, чем 8 млрд. Прирост населения повысит конкуренцию за продукты питания, что подтолкнет цены на них вверх. К 2050 г. в мире увеличится количество людей, возрастет и их желание есть больше мяса — ведь они станут богаче и переедут в города (то есть мясо станет для них более доступным продуктом). До 2050 г. количество производимых в мире продуктов питания должно возрасти примерно на 70%. Тем не менее в контексте мирового развития 70% — это значительно меньше, чем показатели роста мирового сельскохозяйственного производства за последние 40 лет, когда урожай одних только зерновых культур вырос на 250%.

Теоретически производство необходимого для растущего населения Земли количества пищевых продуктов — вполне посильная задача.

Более трудно разрешимые проблемы лежат в других областях — это общее замедление роста урожайности сельскохозяйственных культур, наблюдаемое после 1990 г. (урожайность традиционно рассматривается в качестве основного мерила успешного ведения сельского хозяйства); нехватка новых сельскохозяйственных угодий; хроническая нехватка воды; чрезмерное использование удобрений; наконец общее изменение климата, которое может привести к повсеместному снижению урожайности, причем во многих местах — на треть и более. Все это подталкивает к мысли о проблеме накормить мир в 2050 г., даже если население Земли станет расти медленнее. Хорошей же новостью является то, что решения существуют (и отнюдь не в плоскости жесткого контроля над рождаемостью). Речь идет о более эффективном использовании водных и иных ресурсов, лучшем выборе посевных культур посредством их генетической маркировки, сокращении отходов производства и т. д. Эти меры скорее позволят накормить мир, чем простое сдерживание роста народонаселения.

Таким образом, последствия прироста населения не столь ужасны, как об этом заявляют неомальтузианцы. Однако это не означает, что демография не важна. Относительные изменения, такие как рост одной части населения планеты по сравнению с другой, средний возраст, средний размер семьи, — именно это станет более важным, нежели просто рост числа людей, живущих в нашем мире.

Падение рождаемости

Из всех наблюдаемых сегодня изменений самым важным является падение рождаемости. В 2050 г. суммарный коэффициент рождаемости в мире — иными словами, количество детей, которых женщина произведет на свет в течение детородного возраста, — снизится до 2,1. Он соответствует так называемой скорости воспроизведения и слегка

варьируется в зависимости от показателей младенческой смертности: в бедных странах он несколько выше. 2,1 обычно считается магическим числом, поскольку при воспроизведении с такой скоростью рост населения страны замедляется и это в итоге приводит к демографической стабилизации. Это станет, вероятно, первым случаем в истории человечества, когда уровень рождаемости в мире составит 2,1 или ниже. Во всех предыдущих поколениях в случаях, когда численность населения переставала расти или даже падала, показатель рождаемости оставался более высоким, другое дело, что он сводился на нет более высокой детской смертностью.

Коэффициент рождаемости 2,1 определит ошеломляющее падение. В 1970 г. он составлял 4,45, а среднестатистическая мировая семья имела четырех или пятерых детей. В 2010 г. коэффициент резко упал до 2,45 (см. рис. 1.5). Почти половина населения мира — 3,2 млрд из 7 млрд — проживала в странах, где этот показатель составлял 2,1. К 2050 г. почти все народы за пределами Африки станут жить с показателем не выше, а то и ниже 2,1, и даже многие африканские страны покажут примерно такой же коэффициент замещения (суммарный коэффициент там может быть и выше, но он нивелируется более высокой детской смертностью).

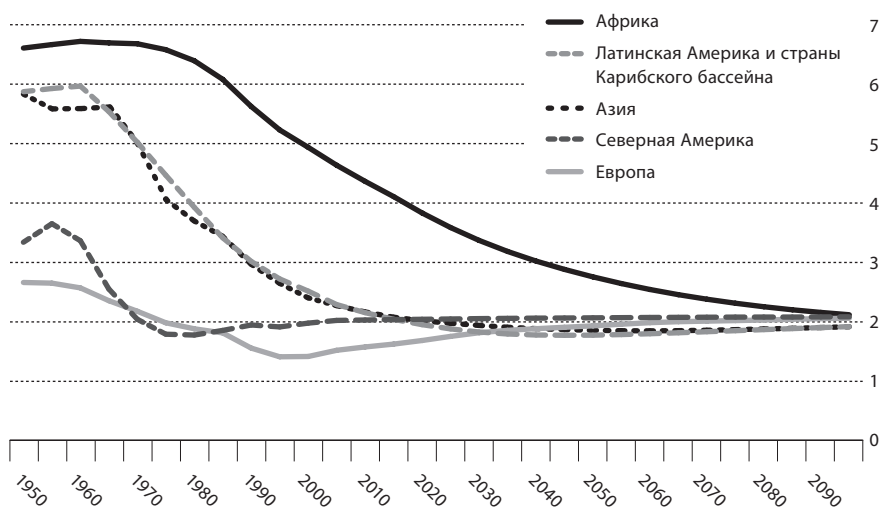
После 2050 г. темпы роста численности населения замедлятся и начнут снижаться вплоть до нуля. Уже в 2010 г. в список стран с отрицательной рождаемостью включены не только государства, известные своим низким демографическим ростом, такие как Япония и Россия, но и те, которые чаще всего ассоциируются с быстро растущим населением: Бразилия, Тунис, Таиланд. В некоторых странах наблюдаются скачкообразные показатели: в Бангладеш в период с 1980 по 2000 г. рождаемость сократилась вдвое, а в Иране коэффициент рождаемости упал с 7 в 1984 г. до 1,9 в 2006-м.

Темпы снижения рождаемости в будущем, когда она упадет до показателя 2,1, вероятно, замедлятся. В регионах, где он уже давно ниже — например, в Северной Европе, — рождаемость уже начала

восстанавливаться и ее рост продолжится: люди вновь открывают для себя радость больших семей. В некоторых районах Африки падение рождаемости не было таким резким, как на других, более богатых континентах. Однако в некоторых регионах снижение продолжится: к 2050 г. уровень рождаемости в Бразилии упадет до 1,7, в Эфиопии, где в настоящее время этот показатель составляет 3,9, снизится до 1,9.

Рис. 1.5. Движение семьи

**Коэффициент рождаемости,
число детей на одну женщину**

Источник: ООН

Падение рождаемости приведет к целому ряду демографических изменений. Совершенно очевидно, что это вызовет замедление прироста населения Земли. Темпы роста падали в течение длительного времени, пик этого снижения наблюдался в 1965–1970 гг., когда ежегодный прирост составлял чуть более 2%, и это единственный случай в современной истории человечества. Однако даже если в одном из поколений изменяется количество детей, требуется еще не одно поколение, чтобы изменения сказались на общей численности народонаселения. Этот процесс занимает примерно 20 лет.

Вследствие демографической инерции количество «дополнительных» людей в мире после 1965–1970 гг. продолжало расти еще в течение двух десятилетий, достигнув пика в конце 1980-х гг., когда общая численность населения ежегодно возрастала почти на 90 млн человек. Темп роста оставался относительно высоким и после 1970 г. Он резко упал только в 1990-х гг., когда, наконец, стало ощущаться влияние низкой рождаемости. Ежегодный прирост, равный почти 78 млн человек в 2010–2015 гг., в конце 2030-х гг. понизится до 52 млн, до 30 млн в середине 2050-х гг. и составит всего треть прироста конца 1980-х гг. К этому времени скорость ежегодного прироста населения в мире впервые с начала XIX в. опустится ниже 0,5%. Непрекращающийся гигантский рост, начавшийся в Европе с промышленной революцией и охвативший все уголки мира, закончится.

Обналичивание демографических дивидендов

Падение рождаемости в корне меняет баланс между различными возрастными группами. Рождаемость, камнем упав вниз, поднимает волны перемен, достигающих грядущие поколения. И спрашивать за это нужно с поколений, живших до того, как падение рождаемости начало «кусаться». В Европе и США — с тех, кого обычно называют «поколением эпохи бэби-бума»: людей, появившихся на свет между 1946 и 1964 гг.

Вначале, когда «круги» только начинают расходиться, странам приходится вкладывать немалые средства в систему образования, другие ресурсы, в которых нуждаются дети. Как правило, этот период в жизни страны знаменуется появлением больших семей: вокруг много детей, но им недостает бабушек и дедушек (потому что те родились в то время, когда средняя продолжительность жизни была ниже). Часто — хотя и не всегда — в этот период женщины сидят дома и заботятся о своих семьях. Это определяло ситуацию в Европе 1950-х гг., в Восточной Азии 1970-х, определяет сегодня в странах Африки.

Однако как только поколение этих детей подрастает, оно вливается в рабочую силу страны и в течение примерно 40 последующих лет (столько примерно длится активная трудовая жизнь взрослого человека) страна извлекает выгоду из «демографического дивиденда». В этот период рождается сравнительно мало детей (наблюдается падение рождаемости), остается немного пожилых людей (из-за ранее высокой смертности), растет численность экономически активного взрослого населения (в том числе за счет женщин). Это период семей меньшего размера, время роста личных доходов, среднего класса, период быстрого увеличения продолжительности жизни и больших социальных изменений, в том числе и роста разводов, количества одиноких людей (по крайней мере в некоторых странах), более поздних браков, а также усиливающегося давления среднего класса на правительства. Такая ситуация в свое время сложилась в Европе в 1945–1975 гг. (французы называют это время *trente glorieuses* — «славное тридцатилетие») и в большинстве стран Восточной Азии в 1980–2000 гг.

Со временем, однако, «золотое поколение» превращается в «серебряное» и выходит на пенсию. С этого момента дивиденды трансформируются в долги. Появляется непропорционально много пожилых людей, нуждающихся в поддержке со стороны следующего, младшего поколения. Более того, если после длительного периода отрицательного значения рождаемость снова начинает расти, поколение «постбэби-бума» оказывается под двойным бременем: ему требуется обеспечивать и большее количество пенсионеров, и одновременно растить и воспитывать большее количество внуков. Это период, когда население начинает сокращаться и забота о престарелых приобретает особое значение. Такая ситуация будет наблюдаться в Европе и Северной Америке в 2010–2040 гг. и в Восточной Азии в 2030–2050 гг.

Поколенческие сдвиги могут иметь серьезные экономические последствия в последующие четыре десятилетия. Демография в любом случае оказывает большое влияние на экономический рост, поскольку наличие большого числа людей трудоспособного возраста увеличивает

численность рабочей силы, позволяет сохранять относительно низкую заработную плату, повышает спрос на новые товары и услуги. Однако демографический дивиденд не обеспечивает автоматическую генерацию экономического роста. Он зависит от того, сумеет ли государство продуктивно использовать эту рабочую силу. В 1980-е гг. в Латинской Америке и Восточной Азии наблюдались схожие демографические тенденции. Но в итоге Восточная Азия пережила «экономическое чудо», а Латинская Америка, наоборот, «потерянное десятилетие».

Все зависит от того, как то или иное государство, регион воспользуется складывающейся ситуацией. В одном из исследований указывается, что треть прироста ВВП в странах Восточной Азии в 1965–1995 гг. явилась следствием, в частности, прироста рабочей силы. А между тем подобное демографическое преимущество наблюдалось не только в странах Восточной Азии. В период с 2000 по 2010 г. ВВП США возрастал примерно на 3% в год, один из которых также следствие прироста населения страны.

Вероятнее всего, в будущем демографические изменения станут тормозить экономический рост в некоторых странах сильнее, в некоторых — слабее. По расчетам Резервного банка Австралии, странам Восточной Азии демографические факторы в 2010–2020 гг. смогут добавить не более 1% ежегодного роста ВВП — половину того, что было в период с 1995 по 2005 г. В Америке демографические факторы увеличат ВВП всего на 0,5% (по сравнению с 1,3% в предыдущие периоды). В Японии они вовсе будут ежегодно тормозить рост примерно на 1%, в Германии — на 0,5%.

Со временем это торможение только усилится. За 40 лет, предшествовавших 2010 г., мир получал «демографические дивиденды» главным образом благодаря развитию богатых стран и стран Восточной Азии. В 1970 г. на каждую сотню взрослых трудоспособных человек в мире приходилось 75 иждивенцев (детей и людей старше 65 лет). В 2010 г. число иждивенцев снизилось до 52 — показатель возросшей доли трудящихся в мире и основная причина экономического роста.

Это способствовало росту экономики, особенно в Китае, где под влиянием политики «одна семья — один ребенок» количество иждивенцев снизилось до беспрецедентно низкого уровня — 38 человек (другими словами, население трудоспособного возраста почти вдвое превзошло все остальное население страны). Однако к 2050 г. среднее мировое количество иждивенцев снова начнет расти и вернется к отметке 58 человек на 100 трудоспособных. В целом этот «разворот» будет не слишком резким. Ухудшение в 2010–2050 гг. составит всего около четверти от улучшения, которое произошло в 1970–2010 гг. (шесть пунктов против 23). Таким образом, демографические «убытки» в течение ближайших 40 лет окажутся незначительными по сравнению с завоеваниями предыдущих 40 лет. И тем не менее впервые они станут настоящими потерями. Причем в некоторых странах и регионах поворот событий окажется драматичным.

Молодой, зрелый, старый

За 40 лет, предшествовавших 2010 г., все основные регионы и страны мира, за исключением Японии, улучшили соотношение между количеством работающих и остальной частью населения. Кое-где, например в Африке, улучшение оказалось незначительным и составило всего шесть пунктов (в основном за счет высокой рождаемости и, соответственно, большего количества детей-иждивенцев). В других регионах оно оказалось огромным, например в странах Юго-Восточной Азии и в Северной Африке, где количество иждивенцев упало на 40%. Даже в «стареющих» Европе и США закончился период, когда меньшинство зависело от работающего большинства.

Франция против Германии

Страх Франции перед ее более экономически мощным восточным соседом стал одним из невысказанных мотивирующих факторов европейской политики последнего столетия. Когда Наполеон разослал свои полки по континенту, Франция являлась самой густонаселенной страной в Европе

и была в состоянии призвать в армию больше молодых солдат, чем другие государства. Объединение Германии и сокращение рождаемости во Франции в XIX в. изменили ситуацию, и к 1918 году, времени подписания Версальского договора, премьер-министр Франции Жорж Клемансо уже волновался, что «можно внести любые пункты в договор, можно отнять у Германии все оружие и вообще делать все, что угодно, — Франция все равно проиграет, потому что не будет больше французов». Между 1870 и 1945 гг. Франция сражалась в трех войнах, чтобы ослабить Германию, а после 1945 года создала то, что впоследствии стало Европейским союзом и вобрало в себя гиганта в центре Европы.

Однако в ближайшие полвека баланс изменится, население Франции вырастет. Совсем недавно, в 2000 г., население Германии составляло 82 млн человек, на 23 млн больше, чем во Франции (59 млн). Даже сейчас в Германии проживает на 20 млн человек больше, чем во Франции. Однако во Франции рождаемость растет, а Германии она стагнирует на уровне гораздо ниже уровня воспроизводства. Численность французов «карабкается» вверх, в то время как численность жителей Германии падает, и, согласно прогнозам ООН, вскоре после 2050 г. численность населения этих стран сравняется. К 2060 г. население Германии сократится до 72 млн человек, а количество жителей Франции достигнет 74 млн. К 2100 г. Франция может иметь на 10 млн жителей больше, чем ее соседка.

Как тогда будет выглядеть Евросоюз — остается только гадать, однако если он по-прежнему станет питаться страхом перед одной из самых густонаселенных стран Западной Европы, то на смену франко-германским отношениям придут отношения англо-французские. На это интересно будет посмотреть — в 2050 г. население Великобритании (на короткое время) обгонит население Франции.

Что изменится в 2010–2050 гг.? Страны мира разделятся на три лагеря. Первый — страны-бенефициары дальнейшего демографического улучшения: Индия, Африка к югу от Сахары, Ближний Восток и Северная Африка. Количество иждивенцев в них продолжит падение, средний возраст жителей в 2050 г. составит менее 40 лет и упадет ниже среднемирового уровня. Эти страны приобретут многочисленную дешевую рабочую силу. Ставки Африки и Ближнего Востока повысятся — более молодые работоспособные взрослые станут либо больше производить, либо (если они не найдут работу) создавать больше очагов нестабильности. Африка уже сегодня начинает демонстрировать что-то вроде улучшения демографической

ситуации: то, что как раз лежало в основе экономических преобразований в странах Восточной Азии в 1980–1990 гг. Но окажутся ли государственные институты африканских стран такими же компетентными, как в странах Восточной Азии, а их политика такой же открытой — это нам еще предстоит это выяснить.

Ближний Восток медленно оправляется от последствий демографического взрыва, дети, рожденные в периоды с более высокой рождаемостью, постепенно вливаются в рабочую силу. Ранние стадии этого процесса сыграли свою роль в революционной неразберихе «арабской весны» 2011 г. Процесс продолжится в последующие десятилетия и принесет как победителям «весны», так и устоявшим режимам немалые проблемы, ведь всего несколько стран в этом регионе, в основном с обширными доходами от продажи нефти, сумели каким-то образом сформировать большое количество рабочих мест. Однако ближневосточные государства имеют и определенные преимущества, которых не наблюдалось у стран Восточной Азии, когда там начался период экономического взлета. Уровень образования населения в странах Ближнего Востока выше, чем он был у жителей стран Азии; в них уже присутствуют элементы среднего класса, разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами менее значителен. Новые демографические дивиденды создают возможность того — сколь бы маловероятным это ни казалось сегодня, — что на мусульманском Ближнем Востоке в ближайшие десятилетия и до 2050 г. будет наблюдаться быстрый экономический подъем.

Также должен продолжиться экономический рост в Индии. Станет и дальше улучшаться баланс между количеством иждивенцев и работающих людей, что, впрочем, не принесет таких демографических дивидендов, как это произошло в Китае в 1970–2010 гг. (общий показатель доли иждивенцев в Индии сократился на 25% по сравнению с 39% в Китае). В то же время в Индии демографическая ситуация в ближайшие четыре десятилетия станет более благоприятной для роста, нежели в Китае: показатель количества иждивенцев в Китае

со временем вырастет на 26%, а в Индии же он упадет еще на 7%. Это означает, что период использования более дешевой рабочей силы продлится в Индии гораздо дольше. В 2050 г. дети и пожилые люди будут по-прежнему составлять менее половины трудоспособного населения страны, в то время как в Китае они составят уже две трети. Это совсем не означает, что в экономическом плане Индия перегонит Китай. У нее по-прежнему немало недостатков. Это и массовая неграмотность среди взрослого населения (страна находится на пути к тому, чтобы стать первым обществом с равным количеством выпускников вузов и неграмотных людей). Это и непропорционально большое число молодых мужчин — результат традиционного предпочтения, отдаваемого сыновьям, наряду с нежеланием иметь большую семью и легкодоступностью технологий по определению пола будущего ребенка. Существует также крайне неравномерное демографическое распределение между севером и югом страны: бедный, неграмотный и более густонаселенный север и более богатый и предприимчивый юг с рождаемостью ниже уровня воспроизводства. Тем не менее ситуация в Китае обещает быть еще хуже. В многолетней борьбе двух гигантов, стремящихся превзойти друг друга, демография окажется на стороне Индии.

Вторая группа стран под влиянием демографических изменений представит регионы, в которых наметится незначительное ухудшение показателя количества иждивенцев (20% или меньше), а также с 40 до 48 лет увеличится средний возраст населения. К ним станут относиться США, Латинская Америка и Юго-Восточная Азия. Благодаря относительно высокой рождаемости в 1980–1990 гг. (чему, в частности, поспособствовали иммигранты из Латинской Америки) демографический профиль США уже давно более стабилен, чем демографический профиль Европы. В 1970 г. по количеству иждивенцев США несколько превосходили Европу; в 2010 г. эти показатели по обе стороны Атлантики сравнялись, но если предположить, что рождаемость в США останется относительно высокой, то к 2050 г. показатели Соединенных Штатов почти на 10% превзойдут европейские.

Больше всех от демографической модели 2010–2050 гг. пострадают Европа, Япония и Китай. Япония уже давно лидирует в мире по количеству пожилых людей, и их становится все больше. Ситуация с иждивенцами в Японии в 2010–2050 гг. ухудшится на целых 40%. К 2050 г. в стране предполагается почти столько же иждивенцев, сколько работающих взрослых. В такой ситуации никогда прежде не оказывалось ни одно общество. Япония со средним возрастом 52,3 года станет самым старым из известных нам обществ. В Европе количество иждивенцев увеличится не столь значительно, но тем не менее этот показатель окажется вторым по величине, ликвидировав разницу между Западной и Восточной Европой.

Совершенно не ясно, как эти страны отреагируют на создавшуюся ситуацию. Взрослые люди трудоспособного возраста, как правило, берут на себя повышенные бизнес-риски, занимаются инновациями, строят и покупают новое жилье, занимаются накоплениями, участвуют в акционерном капитале компаний. «Старые» же общества менее склонны к риску в бизнесе. И нет никакой уверенности в том, что его члены станут так же активно приобретать собственность (предпочитая, к примеру, акциям частных компаний государственные облигации).

Неясно также, как эти страны будут нести бремя старения. Даже при большом и устойчивом росте рождаемости тенденцию старения не удастся повернуть вспять, по крайней мере в течение двух десятилетий. Решить проблему помогли бы значительные потоки миграции: молодые работники могли бы ухаживать за пенсионерами, увеличив при этом хотя бы на время показатели рождаемости (иммигранты из стран с высокой рождаемостью, как правило, вначале имеют большие семьи; впоследствии их семьи начинают приходить в соответствие с моделью семьи принимающей их страны). Это потребует больших и болезненных изменений уже сложившихся в этих странах социальных установок. Но по крайней мере уровень дохода дает этим обществам определенные возможности для маневра.

Куда меньше возможностей у Китая. Рождаемость в этой стране искусственно подавлялась, и сегодня Китай стареет беспрецедентными темпами. Средний возраст его жителя увеличился с 22 лет в 1980 г. (что характерно для развивающихся стран) до 36 лет в 2010-м (что характерно уже для стран богатых). В 2020 г. Китай станет старше США, а к 2040 г. — старше Европы. Это приведет к окончанию эпохи дешевой китайской рабочей силы. Так что правы те жители Поднебесной, которые беспокоятся, что состарятся прежде, чем успеют разбогатеть.

Жители Китая также сталкиваются с огромной проблемой гендерного дисбаланса. Сочетание политики «одного ребенка», традиционного предпочтения, отдаваемого сыновьям, селективные аборты — все это породило поколение, которое сами китайцы называют «голыми ветвями», — поколение одиноких молодых мужчин. К 2025 г. в Китае будет 97 млн мужчин в возрасте от 20 лет и старше (достигших брачного возраста) и только 80 млн молодых женщин: соотношение худшее, чем даже в Индии. В то же время отказ от политики «одного ребенка» может оказаться неэффективным: социальная поддержка небольших семей и низкая рождаемость уже укоренились в сознании общества. Китай может начать «импорт» молодых женщин в роли невест для своих «голых ветвей» (что уже делают более богатые азиатские страны). Китай огромен, и миграция молодых женщин может быть весьма многочисленной. Это способно привести к негативным последствиям для семейной жизни в других регионах мира — но при этом все равно не заполнит пробел, созданный поколениями гендерного геноцида. Таким образом, наиболее серьезной проблемой, с которой в ближайшие 40 лет придется столкнуться Коммунистической партии Китая, будет проблема демографическая.

Но даже это не самое большое демографическое изменение, с которым столкнутся Китай, Восточная Азия, Ближний Восток и большая часть развивающихся стран. Развивающиеся рынки выиграли от дивидендов, изменивших Европу и Америку несколько поколений назад. Развивающиеся страны в своем развитии скопируют и догонят Запад

с точки зрения дохода, размера семьи, уровня образования и формирования среднего класса. Большинство из них утверждают, что они хотели бы сохранить незапятнанными свои традиции сыновней почтительности, семейного уклада, противопоставив все это западным ценностям, нравам и тенденциям, таким как разводы, семьи с одним родителем и ориентация на индивидуальную свободу самовыражения. Но трудно понять, как развивающиеся страны смогут все это предотвратить. В некоторых крупных городах Азии четверть женщин в возрасте 30 лет никогда не выходила замуж — удивительный отказ от традиций в обществе, где подавляющее большинство старшего населения всегда создавало семьи зачастую в очень молодом возрасте. Сотни миллионов молодых азиатов мигрировали в города или за границу, оставив своих детей на воспитание бабушкам и дедушкам, чего не наблюдалось прежде. В будущем подобные тенденции, вероятно, только усилятся.

Если вы посмотрите на изменение численности населения в мире, то общая картина покажет все возрастающую стабильность и возвращение к выравниванию роста численности населения, как это уже было в XVII–XVIII вв. За этой статистической идиллией, однако, нарастает напряжение. Меняются традиции семейной жизни, баланс поколений. Общество в наши дни тасуется, как никогда раньше в старом, более статичном мире. И в течение десятилетий, оставшихся до 2050 г., изменения демографических тенденций, пожалуй, больше, чем что-либо другое, определяют перемены во всем мире — перемены политические, экономические и социальные.